

Пролог

В сущности, Маркус Холройд всегда был одинок.

В четыре года он лишился матери, но это печальное событие на удивление мало затронуло его жизнь. Графиня Чаттерис следовала примеру своей матушки и растила сына так, как растили ее саму, то есть — издалека. Впрочем, она отнеслась к делу со всей возможной ответственностью и весьма гордилась собой, приложив массу усилий и отыскав наследнику мужа самую лучшую няню. Мисс Пимм давным-давно перешагнула пятидесятилетний рубеж и успела выпестовать двух будущих герцогов и виконта, а посему леди Чаттерис передала ей младенца с рук на руки, предупредила, что граф не переносит землянику и, очевидно, от ребенка следует ожидать того же, и со спокойной душой упорхнула в Лондон — вкушать удовольствия светского сезона.

Маркус виделся с матерью от случая к случаю, и таких случаев к моменту ее кончины набралось ровно семь.

Лорд Чаттерис в отличие от супруги испытывал некоторую тягу к деревенской жизни и относительно часто навещался в Фензмор — обширное поместье на севере графства Кембриджшир с величественным господским домом немыслимых пропорций в готическом стиле эпохи Тюдоров — родовое гнездо многих поколений Холройдов. Однако он тоже следовал примеру своего батюшки и растил сына так, как растили его самого, то есть позабо-

тился о том, чтобы ребенка с трех лет приучали к верховой езде, и отложил всякое общение с ним до тех времен, когда мальчик будет в состоянии поддерживать более или менее осмысленную беседу.

Овдовев и вовсе не горя желанием повторно жениться, отец принужден был обратить на единственного наследника пристальное внимание. Приглядевшись, он нашел своего отпрыска вполне сообразительным, великолепно физически развитым и обладающим удовлетворительной наружностью. Но главное — ребенок отличался завидным, прямо-таки богатырским здоровьем. Полное отсутствие каких-либо признаков, указывавших на то, что Маркус может ни с того ни с сего взять да и покинуть этот мир, избавило графа от необходимости по второму кругу подвергать себя сомнительным радостям подбора и — тем паче! — обретения новой спутницы жизни. Он предпочел не расплять силы и средства, а вложить их в сына.

У Маркуса были отменные преподаватели. Его обучали всему, что должен знать и уметь подрастающий джентльмен. Он знал названия всех видов местной флоры и фауны. Ездил верхом так, словно родился в седле. Владел шпагой и стрелковым оружием если не блестяще, то по крайней мере очень и очень неплохо. Решал длинные, запутанные арифметические задачи без единой помарки. Бегло читал тексты на латыни и греческом.

Таков был примерный список его достижений к двенадцати годам.

Именно тогда отец, кажется, пришел к выводу, что сын созрел для более или менее осмысленных бесед. И тотчас (надо же, какое совпадение!) принял решение перейти к следующей образовательной ступени, то есть — отправить Маркуса из Фензмора в Итон, где все Холройды из поколения в поколение начинали приобщаться к фундаментальным наукам. Расставание с домом неожиданно обернулось самой большой удачей в жизни мальчика,

потому как до отъезда в колледж у Маркуса Холройда, будущего графа Чаттериса, не было друзей или хотя бы приятелей.

Ни одного. В Северном Кембриджшире не нашлось подходящих детей. Из аристократических фамилий в здешних пределах обитали еще только Крауленды, однако их потомство составляли исключительно девочки. В семействе другого соседа — сквайра, — менее родовитом, хотя вполне почтенном, имелись сыновья. Но они совершенно не подходили по возрасту. Крестьяне и лавочники, разумеется, в расчет не принимались, и лорд Чаттерис попросту нанял дополнительных учителей. Если ребенок постоянно занят, ему некогда чувствовать себя одиноким. К тому же граф и мысли не допускал, что его наследник может захотеть носиться по окрестным полям с шумной оравой малолетних простолюдинов.

Возможно, Маркус в этом вопросе придерживался несколько иной точки зрения. Но его светлость не удосужился поинтересоваться мнением сына. Они виделись один раз в день перед вечерней трапезой. Встреча длилась не больше десяти минут, затем Маркус поднимался в детскую, а граф отправлялся в обеденный зал. Вот и все.

Оглядываясь назад, Маркус часто думал о том, каким чудом его жизнь в Итоне не превратилась в сущий кошмар. Ведь он понятия не имел, как общаться со сверстниками. В первый день, когда все остальные мальчики бегали и резвились наподобие «дичайших дикарей» (так их охарактеризовал сопровождавший его в поездке камердинер отца), Маркус стоял в стороне, изо всех сил делая вид, что ему нравится стоять на отшибе и вовсе не интересно смотреть на однокашников.

Он не знал, как себя вести. Не знал, что сказать.

А Дэниел Смайт-Смит знал.

У Дэниела Смайта-Смита, наследника графа Уинстеда, было пять родных сестер и три с лишним десятка кузенов

и кузин. С таким опытом он легко и свободно освоился в новой обстановке и через несколько часов стал общепризнанным королем младших воспитанников Итона. Улыбчивый, уверенный в себе, открытый и энергичный, он со всеми находил общий язык и был прирожденным лидером, способным мгновенно принимать решения как в серьезных делах, так и во всякого рода шалостях. Именно он оказался непосредственным соседом Маркуса по dormitorio*.

Вскоре они стали наилучшими друзьями, и после первого учебного полугодия Маркус с радостью принял приглашение погостить у Дэниела. Семейство Смайт-Смит проживало в поместье Уиппл-Хилл неподалеку от Виндзора, что позволяло Дэниелу часто навещать родных. Тогда как Маркус... Нет, конечно, Северный Кембриджшир не Шотландия, но тоже не ближний свет — туда меньше, чем за день, не доберешься. Вдобавок лорд Чаттерис в школьные годы никогда не приезжал домой на зимние каникулы и не усматривал никаких причин к тому, чтобы его сын поступал противоположным образом.

Поэтому когда приблизились следующие каникулы и Дэниел вновь пригласил Маркуса, он опять согласился.

А потом еще раз.

И еще.

В результате получилось, что Маркус проводил куда больше времени со Смайт-Смитами, чем со своей семьей. Правда, его семья состояла всего из одного человека, и все же, если подумать (а Маркус думал об этом довольно часто), он общался с каждым отдельно взятым представителем гостеприимного семейства друга больше, чем с собственным отцом.

Даже с Гонорией.

* Дормиторий — спальное помещение для большого количества людей. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Гонория была самой младшей сестрой Дэниела, и от предпоследней ее отделяло добрых пять лет. Она, так сказать, замыкала семью. И вероятно, появилась на свет благодаря счастливой случайности, ознаменовавшей завершение впечатляющих успехов леди Уинстед на ниве деторождения.

Однако пять лет — дистанция огромного размера. Особенно если человеку всего шесть. Именно столько было Гонории, когда Маркус познакомился с ней. К тому времени три старшие сестрицы то ли уже успели обзавестись мужьями, то ли вот-вот собирались замуж (он точно не помнил), а четвертая, одиннадцатилетняя Шарлотта, попросту не желала иметь дела со всякой «мелюзгой». Дэниел тоже. Но, очевидно, разлука усиливает любовь, потому что стоило ему приехать из школы домой, и он незамедлительно превращался в объект преследования: Гонория, как щенок, ходила за ним по пятам.

Так было и в то утро, когда мальчики отправились на озеро.

— Не встречайся с ней глазами, — предупредил Дэниел, ускоряя шаг. — Если она поймет, что ее заметили, — все пропало.

Не оборачиваясь, они сосредоточенно шли своей дорогой. Им хотелось спокойно порыбачить. В прошлый раз Гонория увязалась за ними и выпустила всех червяков.

— Дэниел! — окликнула она.

— Не обращай внимания, — пробормотал Дэниел.

— Дэниел!!! — Крик перерос в отчаянный вопль.

Дэниел вздрогнул.

— Скорее. Если мы успеем добраться до леса, она нас не найдет.

— Она знает, где озеро, — справедливости ради напомнил Маркус.

— Да, но...

— Дэниел!!!

— ...ей известно, что с нее голову снимут, если она в одиночку войдет в лес. Даже у нее хватит мозгов не доводить маму до белого каления.

— Дэн... — Она оборвала себя на полуслове, а потом невыносимо жалобным голосом позвала: — Маркус?

Маркус не выдержал и обернулся.

— Не-е-ет! — простонал Дэниел.

— Маркус! — Гонория радостно пискнула, вприпрыжку устремилась за ними и, чуть обогнав, остановилась. — Что вы собираетесь делать?

— Мы собираемся на рыбалку, — прорычал Дэниел. — И не собираемся брать тебя с собой.

— Но мне нравится ловить рыбу.

— Мне тоже. Без тебя.

Ее лицо сморщилось.

— Не плачь, — быстро отреагировал Маркус.

Дэниел несколько не смягчился:

— Она притворяется.

— Только не плачь, — повторил Маркус, и впрямь считая это ужасно важным.

— Не буду, — согласилась она, взмахнув ресницами, — если вы разрешите мне пойти с вами.

Мыслимое ли дело в шесть лет уметь вот так управлять со своими ресницами? Хотя, быть может, Маркус переоценил ее мастерство, потому что мгновение спустя она захныкала и принялась тереть глаза.

— Теперь в чем дело? — поинтересовался Дэниел.

— Мне что-то попало в глаз.

— Вероятно, муха, — съехидничал Дэниел.

Гонория взвизгнула.

— Зря ты это сказал, — заметил Маркус.

— Уберите ее! Уберите! Уберите! — верещала она.

— Ладно, угомонись, — прикрикнул Дэниел. — Ничего страшного.

Но она продолжала истошно вопить, шлепая себя по щекам. В конце концов Маркус схватил маленькие ручонки и прижал их к ее вискам, не давая ей мотать головой.

— Гонория, — строго произнес он. — Гонория!

Она моргнула, всхлипнула и затихла.

— Мухи нет, — сообщил он.

— Но...

— Наверное, просто ресница попала в глаз.

Рот Гонории сложился в маленькую букву «о».

— Я могу отпустить тебя?

Она кивнула.

— Ты не начнешь визжать?

Она отрицательно замотала головой.

Немного помедлив, Маркус разжал руки и сделал шаг назад.

— Можно мне пойти с вами? — спросила она.

— Нет! — рявкнул Дэниел.

И, честно говоря, Маркус вполне разделял его мнение. Ну что за интерес водить компанию с шестилетним ребенком? Тем более — с девчонкой?

— У нас очень много дел, — сказал он, явно проигрывая Дэниелу в свирепости.

— Пожалуйста...

Маркус тяжело вздохнул. Она выглядела до невозможности жалкой. На щеках еще не высохли слезы. Мягкие, абсолютно прямые каштановые волосы, расчесанные на косой пробор и прихваченные сзади заколкой, беспомощно свисали до плеч. А глаза — почти такого же, как у Дэниела, необычного лиловато-синего оттенка — были огромные, заплаканные и...

— Я тебя предупреждал, не встречайся с ней глазами, — напомнил Дэниел.

Маркус снова вздохнул и сдался.

— Ну, может быть, в виде исключения.

— Чудесно! — Она подпрыгнула, словно удивленная кошка, и одарила Маркуса горячим, но, к счастью, коротким объятием. — О, Маркус, спасибо! Большое спасибо! Ты самый лучший! Лучший из лучших! — Она прищурилась и метнула пугающе недетский взгляд на брата: — А ты — нет.

Дэниел отплатил ей той же монетой:

— С удовольствием побуду худшим из худших.

— Мне все равно, — заявила она и взяла Маркуса за руку. — Пойдем?

Он взглянул на пальцы, сжимавшие его ладонь. Ему стало неловко, пожалуй — даже неприятно. Странная нервозность стремительно переросла в настоящую панику. Он лихорадочно пытался припомнить, кто и когда в последний раз брал его за руку. Может, няня? Нет, она предпочитала стискивать его запястье. Так ей было удобнее, если верить тому, что она говорила домоправительнице.

Тогда, возможно, отец? Или мать, когда-нибудь очень давно?

Его сердце билось часто-часто, а маленькая ладошка Гонории вдруг стала скользкой. Должно быть, кто-то вспотел. Он, она или оба. Но Маркус не сомневался — дело именно в нем.

Он посмотрел на Гонорию. Она лучезарно улыбнулась ему.

Он выпустил ее руку и смущенно пробормотал:

— Э-э, нам надо спешить, а то стемнеет.

Оба Смайт-Смита с любопытством уставились на него.

— Сейчас всего лишь полдень, — сказал Дэниел. — Сколько времени ты собираешься рыбачить?

— Не знаю, — уклончиво ответил Маркус. — Трудно сказать заранее.

Дэниел покачал головой:

— Отец недавно распорядился выпустить в озеро молодняк. Теперь, чтобы поймать рыбу, достаточно зачерпнуть воду башмаком.

Гонория восторженно ахнула.

Дэниел молниеносно повернулся к ней:

— Даже не думай об этом.

— Но...

— Если мои башмаки окажутся рядом с водой, клянусь — от тебя только мокрое место останется.

Она обиженно надула губы и, опустив глаза, пробурчала:

— Я думала о своих башмаках.

Маркус тихонько прыснул. Гонория немедленно подняла голову и укоризненно взглянула на него, явно заподозрив в предательстве.

— Просто это была бы очень маленькая рыбка, — поспешно объяснил он.

Казалось, такое оправдание ее не удовлетворило.

— Мелкую рыбешку невозможно есть, — продолжил он. — В ней одни кости.

— Пошли, — скомандовал Дэниел.

И они направились в лес, петляя между деревьями и задав двойную работу маленьким ножкам Гонории. Ей пришлось изрядно потрудиться, чтобы не отстать, и тем не менее у нее хватало сил болтать без умолку.

— Вообще-то мне не нравится рыба, — поведала она для начала. — У нее противный запах. И вкус какой-то подозрительный...

И потом, уже на обратном пути:

— ...все-таки мне кажется, та, розовенькая, была достаточно крупной. Она подошла бы для еды. Тем, кто любит рыбу, которую я не люблю. Ну, если кто-то действительно любит рыбу..

— Больше никогда не зови ее с нами, — сказал Дэниел Маркусу.

— ...которую я не люблю. Но, думаю, мама любит рыбу. Не сомневаюсь, ей понравилась бы та розовенькая рыбка...

— Не позову, — заверил Маркус. Конечно, верх невоспитанности осуждать маленькую девочку, но она была невыносимо назойливой.

— ...хотя Шарлотте не понравилась бы. Шарлотта ненавидит розовое. Никогда не наденет ничего подобного. Она говорит, что в розовом выглядит худосочной. Правда, я не знаю, что такое «худосочная», но звучит довольно-таки неприятно. Мне лично нравится лавандовая расцветка.

Мальчики хором вздохнули. Они не собирались останавливаться, однако Гонория выскочила вперед и, преградив им путь, с широкой улыбкой оповестила:

— Она подходит к моим глазам.

— Кто? Рыба? — удивился Маркус и заглянул в ведро, которое нес. Там плескались три превосходные крупные форели. Их могло быть больше, если бы Гонория не опрокинула ведро. Она сделала это случайно, но два законных трофея Маркуса преспокойно отправились обратно в озеро.

— Нет. Ты что, совсем меня не слушаешь, да?

Этот момент Маркус запомнил навсегда. Впервые в жизни он столкнулся лицом к лицу с худшим проявлением того, что называется женской логикой, а именно — с возмутительной манерой огорошивать собеседника каверзным вопросом, на который в принципе невозможно ответить правильно.

— К моим глазам подходит лавандовая расцветка, — чрезвычайно авторитетно сообщила Гонория. — Так говорит мой папа.

— Ну значит, так оно и есть, — с облегчением согласился Маркус.

Она намотала на палец прядь волос, но локон распрямился, как только она его отпустила.

— А коричневый цвет подходит к моим волосам, но мне больше нравится лавандовый.

Маркус поставил ведро на землю. Оно было ужасно тяжелым, а ручка резала ладонь.

— Нет уж, — возмутился Дэниел, хватая ведро свободной рукой и возвращая его Маркусу. — Мы идем домой. — Дэниел посмотрел на Гонорию: — Прочь с дороги.

— Почему ты добрый со всеми, кроме меня? — спросила она.

— Потому что ты прилипала! — отрезал он.

Что правда, то правда, но все-таки Маркус сочувствовал Гонории. По крайней мере иногда. Ведь она находилась в положении единственного ребенка среди взрослых, а он отлично знал, каково это. Ей хотелось участвовать в жизни семьи, в играх, развлечениях, вечеринках — словом, во всем том, для чего она, по общему убеждению, была еще слишком мала.

Гонория не стала отвечать оскорблением на оскорбление, но и дорогу не освободила. Некоторое время она молча сверлила брата гневным взглядом, потом шумно шмыгнула носом.

Маркус пожалел, что не захватил из дома носовой платок.

— Маркус. — Теперь она смотрела только на него, словно ее брата тут и вовсе не было. — Не хочешь ли ты выпить со мной чашечку чаю и поиграть?

Дэниел насмешливо фыркнул.

— Я принесу своих лучших кукол, — очень серьезно сказала она.

Боже, что угодно, только не это!

— А еще будут пирожные, — добавила она тоненьким жеманным голоском, вселившим в Маркуса смертельный ужас.

Он бросил панический взгляд на Дэниела, однако помощи не последовало.

— Ты согласен? — требовательно спросила Гонория.

— Нет, — выпалил Маркус.

— Нет? — переспросила она, не сводя с него пристального, немигающего взгляда.

— Не могу. Я занят.

— Чем?

Маркус кашлянул. Дважды.

— Делами.

— Какими делами?

— Разными. — Он чувствовал себя ужасно и попытался сгладить неловкость: — У нас с Дэниелом есть кое-какие планы.

Гонория явно обиделась. У нее задрожала нижняя губа, и на сей раз Маркус точно знал, что это не притворство.

— Мне очень жаль, — добавил он.

Ему страшно не хотелось огорчать ее. Но боже милостивый, чаепитие! Где это видано, чтобы двенадцатилетний мальчик пожелал принять участие в подобного рода мероприятии.

С куклами.

Маркуса передернуло.

Гонория резко повернулась к брату, и ее лицо покраснело от злости.

— Это ты заставил его отказаться.

— Я не произнес ни слова, — ответил Дэниел.

— Ненавижу тебя, — прошептала Гонория. — Ненавижу вас обоих. — Она внезапно перешла на крик: — Я вас ненавижу! Особенно тебя, Маркус! Я тебя по-настоящему ненавижу!

После этого она со всех ног побежала к дому. А поскольку ножки у нее были худые и маленькие, то бежала она, откровенно говоря, не очень быстро. Маркус и Дэниел молча стояли и смотрели ей вслед.

Она была уже у самого дома, когда Дэниел кивнул и сказал:

— Она тебя ненавидит. Теперь ты полноправный член семьи.

Так оно и вышло. Он был членом их семьи с той самой минуты и до весны 1821 года, когда все рухнуло. Из-за Дэниела.

Глава 1

*Март 1824 года
Кембридж, Англия*

Леди Гонория Смайт-Смит пребывала в отчаянии.

Ей отчаянно надоела плохая погода, отчаянно хотелось замуж и — она с тоской посмотрела на свои загубленные голубые туфли — отчаянно требовалась новая пара обуви.

Усевшись на каменную скамью рядом с заведением, где, судя по вывеске, некий мистер Хиллефорд продавал «табак для взыскательных джентльменов», она прижалась к стене, отчаянно (опять это кошмарное слово!) пытается целиком уместиться под навесом. Дождь лил как из ведра. Не капал, не шел, не моросил, а именно лил. Лил немилосердно.

Если бы с небес грянул трубный глас и возвестил о новом всемирном потопе, она бы не сильно удивилась.

Однако трубного гласа пока не было, а вот зловоние было. Гонория терпеть не могла запах сигар, но запах плесени нравился ей еще меньше. А у мистера Хиллефорда с его табаком для джентльменов, не заботившихся о беллизне зубов, по фасаду здания стелилась подозрительная черная субстанция, источавшая гнуснейший аромат.

Кем надо быть, чтобы отправиться за приятными покупками и оказаться в столь плачевном положении?